

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

© 1990 г.

И. И. КРУПНИК

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СССР: ПОИСКИ ОБЪЯСНЕНИЙ *

За последние 2 года «национальный вопрос» стал третьим наиважнейшим элементом нашей общественной жизни наряду с демократизацией политической системы и реформой государственного экономического устройства. Во многих частях страны он превратился в главный нерв общественно-политической ситуации. Многотысячные митинги и танки на улицах; толпы, штурмующие общественные здания; конгрессы независимых политических организаций; «живые цепи» через столицы республик; вооруженные конфронтации и многодневные забастовки — вот что такое национальный вопрос сегодня для государства. С этим жестко и недвусмысленно пришлось столкнуться всей системе управления, средствам массовой информации, гуманитарной науке, обществу в целом.

На волне этой небывалой общественной активности прежние идеологические схемы, идеи незыблемости национально-государственного устройства подверглись быстрой эрозии. Верховные Советы республик принимают законы о независимости и суверенитете, признают неправомочными давние акты о вступлении в Союз, требуют изменения устройства федерации. Низовые административные единицы призывают к новому статусу автономий, отвергают подчинение областным и краевым центрам, самостоятельно провозглашают национальные районы и автономные республики.

Новым элементом стал невиданный взрыв массовости национальных движений. Прежние проявления территориальных, экономических и историко-культурных противоречий сплетаются в один неразрывный пучок требований под лозунгом национального или национально-государственного суверенитета. К унаследованным от прошлого очагам национальной напряженности на глазах прибавляются новые. При этом происходит отчетливый рост национального радикализма, который приобретает все более организованные и потому все более непримиримые формы.

Еще один ключевой элемент нынешней ситуации — появление национального насилия или угрозы его применения. Хотя вспышки насилия и вандализма периодически возникали и в прежние годы, никогда еще с послевоенного времени они не привлекали такого общественного внимания и не затрагивали такого количества людей. Рубежом здесь стали кровавые события в Сумгаите, за которыми последовала цепь конфликтов, закончившаяся введением военного положения в Нагорном Карабахе и прилегающих районах. 1989 год ознаменовался трагедией в Тбилиси, беспрецедентными актами национального насилия в Узбекистане, столкновениями в Абхазии, Юго-Восточной Грузии, Южной Осетии, Дагестане, Молдавии, Казахстане, Таджикистане и Туркмении. Начало 1990 г. принесло новую волну насилия в Баку, новые тысячи беженцев, вооруженную конфронтацию в Карабахе и вдоль всей границы Азербайджана и Армении.

Однажды примененное, национальное насилие становится фактором общественного сознания, повергая народы в состояние взаимной подозрительности,

* Редакция предлагает обсудить идеи, высказанные в статье. Поступила в редакцию в январе 1990 г.

неустойчивости и страха. Примененное насилие или хотя бы его угроза немедленно стимулируют массовость, делают ситуацию еще более трудно управляемой и непредсказуемой.

1989 год завершился как год победы регионалистского мышления. Национальные и региональные ценности отчетливо берут верх во всех общественно-политических структурах: от партийного аппарата до творческих союзов и неформальных движений. Волна регионалистского мышления, выпущенная на всю страну заседаниями Съезда народных депутатов, расходится, захватывая большие и малые народы. Альтернативные призывы к братству республик и единению наций выглядят слишком зыбкими или безнадежно устаревшими на фоне доступности, эмоциональной заряженности и очевидной радикальности идей регионализма.

Уже ясно всем, что перед советским обществом поставлен вопрос: способно ли оно найти гармоничное или хотя бы разумное сочетание интересов входящих в него народов или нас ждет новый рост напряженности межнациональных отношений? Время, когда можно было говорить о «периферийных конфликтах», «частных ситуациях», «отдельных нарушениях», осталось в прошлом. Речь идет уже не о статистическом накоплении локальных конфликтов в разных частях страны, а о каком-то общем, закономерном процессе, требующем столь же общего объяснения.

К середине 1989 г. это должны были признать органы политической власти и лидеры государства. Рубежом этого признания стало Постановление I Съезда народных депутатов и особенно телевизионное выступление М. С. Горбачева (1.07.89). Сентябрьский Пленум ЦК КПСС и опубликованная Платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» констатировали уже очевидную всем важность национального вопроса для существования государства. Официальное признание открыло плотину: вчера еще «националистические» лозунги и программы неформалов сегодня публично повторяют партийные секретари союзных и автономных республик.

В этих условиях все ждут и ищут объяснений. Налицо очевидная общественная потребность, когда в равной мере необходимо *знать, объяснить и предсказать* состояние национальных отношений на пространстве шестой части всей планеты. Никогда прежде этнография в СССР не была в таком фокусе общественного внимания (три профессиональных этнографа — Г. В. Старовойтова, Е. А. Гаер и В. М. Шамиладзе — избраны народными депутатами СССР). Но и никогда прежде от нас не ждали ответа при таком дефиците времени, напряжении всех политических чувств.

Моя цель сейчас не в том, чтобы предложить наиболее убедительную точку зрения на происходящие в стране процессы. Мне кажется бессмысленным искать это *единственно правильное* объяснение: свое собственное, коллег-профессионалов или «московской науки». Ничего этого нет — ни единого «московского взгляда», ни общей позиции коллег-этнографов, ни даже устойчивой личной интерпретации, если, конечно, ученый хочет оставаться на уровне профессионального анализа, а не житейски-обывательского мышления.

Индивидуальная или коллективная оценка национальной ситуации всегда есть проблема *выбора* из целого спектра объяснений. Причем выбора, меняющегося на основании предшествующего личного и профессионального опыта, политической позиции, широты и критичности взгляда. Нет «верных» или «неверных» интерпретаций национального вопроса: есть люди, которые выбирают ту или иную точку зрения. И сделанный выбор, как сейчас говорят, это факт их биографии.

Сегодня я могу предложить сделать выбор из *семи* различных объяснений, два из которых — мои собственные. Число «семь» здесь ничего не значит; многие имеют собственные объяснения нынешней ситуации, которые укладываются или же не укладываются в предлагаемую схему. Дело не в числе или характере объяснений, а в самом факте их множественности, ставящем каждого из нас в

положение человека, принимающего индивидуальное решение. И в этом отношении все мы: ученые и неученые, научные сотрудники и руководители государства, обремененные информацией и решающие на уровне здравого смысла, — ничем не отличаемся друг от друга.

«Верр возможностей»: семь объяснений. Объяснение первое было предложено нам уже в первых отблесках предстоящих событий во время демонстраций студентов в Алма-Ате в декабре 1986 г. и голодовки крымских татар на Красной площади в Москве летом 1987 г.: *во всем виноваты экстремисты*. Объяснение было не новым и не оригинальным и опиралось на нашу традиционную политическую культуру. Оно было использовано затем применительно к начавшимся событиям в Нагорном Карабахе и первым массовым демонстрациям в Армении в феврале-марте 1988 г., чем очень стимулировало их массовость, глубоко задев национальные чувства армянского народа. В официальной версии закавказской ситуации тезис об «экстремистах» с вариациями внешнего заговора, эмигрантских кругов, враждебных идеологических сил и т. п. доминировал до начала 1989 г. и вновь возник в ходе событий в Баку в январе 1990 г. Во многих частях страны он остается наиболее популярным официальным объяснением местных событий.

Идея «злой руки» — в лице экстремистов, коррумпированных мафий, врагов перестройки, идеологических противников, бюрократического аппарата, зарубежных спецслужб или диверсионных центров — при всех своих вариантах имеет общую черту: *она делает нас невиноватыми*. То есть: «мы» — хорошие и были хорошими, хотя могли допускать в прошлом отдельные ошибки. Но вины «нашей» за общую ситуацию нет, поскольку появились некие внешние силы, вышедшие из-под контроля или не поддающиеся нашему контролю в силу своей недосыгаемости или заведомой злонамеренности.

Идея «злой руки» имеет определенную логику мышления и анализа. Она ищет источник напряжения по принципу «кому это выгодно». Поскольку это никогда не может быть выгодно «нам», источник может быть только внешним, что опять же избавляет «нас» от необходимости анализировать и менять свое поведение. «*Нам*» важно только устоять, преодолеть, проявить негибкость, не поступиться принципами, сохранить верность заветам и подобные идеологические качества.

Когда национальные конфликты для большинства жителей страны из цепи изолированных случайностей стали складываться в закономерную ситуацию, появилось другое объяснение. *Все дело в экономике*. Обострение национальных отношений вызвано ухудшением экономической ситуации, и, если мы быстро накормим людей, национальные конфликты сами исчезнут или ослабнут, перестав представлять опасность для государства.

Это объяснение одинаково легко укладывалось и в самое обыденное, и в официальное сознание. Были у него и более утонченные варианты: не раз доводилось, например, слышать, что национальные конфликты характерны для регионов с низкой производительностью труда (Закавказье, Средняя Азия), где господствует теневая экономика, коррупция и крайне отсталая структура производства. Ссылки на Прибалтику, на Украину и Белоруссию, опыт преуспевающей Западной Европы при этом отменялись как исключения, не менявшие общего правила.

В стремлении видеть экономическую основу в национальных трудностях (особенно отсталую экономическую основу) отразилась предшествующая идеологическая база нашего сознания, где все объяснялось экономикой или приматом экономики, или приматом материального над идеальным. Специфический «московский взгляд» был еще и в снобизме чуть более благополучного и сытого центра перед окраинами, в противопоставлении «светлого» центра «темной» периферии.

Комментировать и критиковать эту схему было очень трудно. Ухудшение экономической ситуации и товарный голод у всех перед глазами. Все шире

стремление продавать предметы первой необходимости по паспортам, языку или внешнему виду покупателей. Экономика действительно стимулирует обострение национальной конфликтности — об этом мы знали на примере Северной Ирландии, негритянских гетто Америки или судеб иностранных рабочих в европейских странах. Вероятно, голодный и обездоленный может с большей ожесточенностью бороться за свои права. Но то, что у обеспеченного и сытого человека тоже есть национальные чувства, как и готовность их отстаивать доступными средствами, еще предстоит понять нашему обществу, все более раздраженному сейчас своей бедностью, дефицитом и экономической отсталостью.

В первой половине 1989 г. официальная версия событий под давлением демократизации и роста исторической информированности общественного сознания стала постепенно сдвигаться к третьему объяснению: *изначально все было задумано правильно, но потом возникли деформации*. Эта концепция и отразилась в Платформе КПСС, где дана характеристика как достоинств первоначального плана советской федерации, так и допущенных впоследствии «искажений» реализованной идеи.

Концепция «деформаций» интересна тем, что она предполагает существование некой «точки перегиба», от которой первоначально положительное развитие федерации советских республик сменилось развитием отрицательным или искаженным. Требовалось лишь найти в историческом прошлом эту точку — символ прежнего благополучия национальных отношений — и затем воссоздать это состояние в новом историческом исполнении, т. е. вернуться к федерации, перезаключить союзный договор, восстановить равновесие между центром и суверенными республиками и т. п.¹

Задача выглядела очень благородной и была близка к тому, что предлагалось сделать с экономикой (поиск золотой вершины позднего нэпа), нормами партийной и государственной жизни (ленинские принципы демократии). Первым результатом новой концепции стало возрождение живого интереса к опыту национального строительства в первые годы Советского государства. В печати, дискуссиях, рекомендательных документах начали появляться давно забытые понятия: «национально-культурная автономия», «республиканский суверенитет», «национальные, районные и сельские советы», «коренизация» и т. п. Как из пепла возродились шедшие в начале 1920-х годов дебаты по поводу союзного договора, полномочий союзного и республиканского законодательства, государственного языка и гражданства союзной республики, необходимости самостоятельной российской компартии. Начались эти дискуссии чуть раньше, многих нынешних конфронтаций удалось бы избежать, в особенности по вопросу о республиканском гражданстве (признанном решением Конституционной комиссии ЦИК СССР в апреле 1924 г.) или статей о государственных языках союзных и автономных республик, которые имелись уже в первых конституциях Грузии, Белоруссии, Армении, Абхазии, Крымской АССР.

Идея «деформаций» и «очищения истоков» была привлекательна тем, что на ее основе можно было вновь строить конкретную программу действий, не выходя из границ советского исторического опыта, советской реальности. Оставалась лишь одна проблема: где видеть точку перегиба в развитии советской федерации? Это не могло быть послевоенное время, когда уже прошли массовые депортации целых народов — немцев, крымских татар, чеченцев, калмыков, и др. — и были ликвидированы их национальные автономии, вплоть до районов и сельских советов². Вряд ли подходили и предвоенные годы с их перенесением норм тоталитарно-репрессивного государства на внутреннюю и внешнюю национальную политику. Решение судеб народов на основе секретных протоколов; декоративное создание Карело-Финской ССР; массовые депортации жителей присоединенных территорий Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины; высылка первых потенциально «нелояльных» народов — корейцев, поляков, а также беженцев

и иммигрантов — иностранных подданных. Все эти события явно находились по ту сторону «золотой вершины» советской федерации.

Двигаясь в глубь времени, в первую половину — середину 1930-х годов, мы попадем в период сворачивания политики «коренизации», ликвидации национальных районов, массовых репрессий против национальной интеллигенции и административных кадров, раскулачивания, голода, высылки миллионов крестьян. Знамение времени — номенклатурное создание новых автономий при одновременном урезании их реальных прав. Наиболее ярким примером здесь стало самое крупное одноразовое изменение структуры Союза: расформирование Закавказской федерации, преобразование Казахской и Киргизской АССР в союзные республики и пяти автономных областей в АССР в один юбилейный день — к принятию новой Конституции 1936 года.

Итак, выбор точки перегиба фактически сводится к двум весьма коротким интервалам: второй половине 1920-х годов и времени сразу после образования СССР (1922—1925 гг.). В сфере национальных отношений оба они разделяют достоинства и недостатки своей эпохи. Доминирование партийных структур власти над общегражданскими, догматический классовый подход, авторитарность и аппаратность принятия решений сочетались в те годы с энтузиазмом и жертвенностью, невиданным размахом действий и способностью очень быстрого развития.

Параллельно с идеей «деформаций» в первой половине 1989 г. все громче стала звучать еще одна — четвертая концепция. Она давно существовала в зарубежной «советологической» литературе, жила в документах радикальных национальных движений. Недавние решения Верховных Советов Грузинской, Эстонской, Латвийской и Литовской ССР с оценкой событий 1921 и 1940 годов, настроения в других республиках сделали ее предметом открытого обсуждения. Суть этой концепции: *все, что происходит сегодня, закономерно. Идет неизбежный «распад империи», поскольку образование Союза ССР в 1922 г. было нарушением договорного союза и конфедеративного сотрудничества независимых советских республик, попыткой восстановить единое государство в прежних границах царской России.*

У этой концепции есть свои аргументы. Главные среди них: отсутствие у большевиков к Октябрьской революции четкой программы строительства нового многонационального государства; декларируемый ими примат классовых интересов и пролетарского интернационализма с отрицанием «буржуазного» национализма; неприятие идеи конфедерации как вредной формы государства, ослабляющей интересы пролетарского единства и пролетарской революции.

Известно, что до Февральской революции 1917 года Ленин выступал против федеративного устройства будущей социалистической России³. Решительным противником федерализма был Сталин, который считался в партии специалистом по национальному вопросу⁴. Не случайно он получил в первом советском правительстве пост наркома национальностей. Правда, свое отношение к федерализму большевикам пришлось менять уже весной-летом 1917 года в ответ на бурный рост организованных национальных движений в разных частях Российской республики, требовавших независимости Финляндии, а также оккупированных Германией Польши и Литвы, самоуправления Эстонии и Латвии, национальной автономии Украины и Белоруссии, Крыма и Закавказья, Татарии и Башкирии, Бессарабии и Туркестана. Можно сказать, что к осени 1917 года бывшая империя была подготовлена к идее федерализма, а не откликнуться на это не могла ни одна партия, стремившаяся к взятию власти.

Уже первые документы нового Советского государства — Декрет о мире⁵ и Декларация прав народов России (2/15 ноября 1917 г.) — провозгласили равенство и право на самоопределение народов. Тезис о федеративном устройстве Российской Советской Республики был официально провозглашен в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов 12(25) января 1918 года⁶ вместе с постановлением

«О федеральных учреждениях Российской республики». Эта дата является началом советского федерализма.

С самого начала, однако, Федеративная Российская Республика виделась как новая форма устройства для всей бывшей территории Российской империи. Это совершенно четко определил Сталин в интервью об организации РСФСР газете «Правда» (3–4 апреля 1918 г.), назвав в числе возможных субъектов Российской федерации Польшу, Украину, Финляндию, Крым, Закавказье, Туркестан, Киргизский край (Казахстан), татаро-башкирскую территорию, Сибирь и т. п.⁷ Здесь же Сталин подчеркнул стратегическую временность федерализма в России, когда принудительный царистский унитаризм сменяется федерализмом добровольным... которому суждено сыграть... переходную роль к будущему социалистическому унитаризму»⁸. Если таков был замысел, воплощенный через 4 года в создании Союза ССР, то происходящее с нами сейчас закономерно, поскольку в основе «добровольного советского федерализма» мы видим отпечаток все той же исторической личности.

Пятым объяснением современной национальной ситуации является концепция *обратного насилия*, изложенная мной в других публикациях⁹. Характерный для XX в. распад многонациональных империй ведет к разрушению имперски-колониального общества, где политическое и экономическое насилие всегда сочетается с насилием национальным. Национальное насилие при этом выражается не только в подавлении или принижении имперским обществом национальной традиции покоренных народов — их государственности, религии, языка, но и в прямом проникновении насилия в сферу контактов между народами, т. е. в национальные отношения.

Системы, возникающие при разрушении имперски-колониальной основы, могут различаться по степени насилия и образуют три типа, названных мной «иерархическими», «федеративными» и «многонациональными» обществами. Степень национального насилия, как и насилия в целом, служит не только основой классификации, но и определяет развитие этих обществ. Повышение уровня насилия неизбежно приводит к движению системы вспять — в направлении к имперски-колониальному обществу, где одни народы откровенно и узаконенно угнетают другие.

Рост насилия, однако, не всегда сразу действует дестабилизирующе — на первых порах он может иногда способствовать восстановлению стабильности и порядка. Но усилившееся и не отраженное государством межнациональное насилие постепенно разлагает все общественные институты, самовоспроизводится как раковая опухоль и в итоге трансформирует прежний тип общества, увеличивая в нем уровень внутреннего угнетения.

Ярким примером разлагающей роли насилия служит эволюция первоначального военно-политического союза, а затем федерации советских республик под влиянием общего повышения уровня насилия в стране в 1920—1930-е годы. Какой бы ни была первоначальная идея государства, на смену ей быстро пришла жесткая иерархическая система, стремившаяся постепенно восстановить централизованное бюрократическое устройство в пределах бывшей Российской империи — вплоть до войны на подчинение Финляндии и нового раздела независимой Польши. Национальное насилие в этой системе было таким же элементом *структурного насилия* (выражение Г. Гусейнова¹⁰), как и массовые репрессии, идеологический тоталитаризм, уничтожение целых социальных слоев, подчинение искусства.

Если такое объяснение справедливо, то мы имеем общество, которое замышлялось в 1922 г. как федеративное, но ушло далеко назад под давлением разных форм насилия, в том числе и национального. Теперь оно стремится вернуться к исходному состоянию. Процесс этот мучителен и требует ломки многих социальных связей, изменения стереотипов в сознании миллионов людей. Разросшееся в системе насилие не может сразу исчезнуть бесследно и будет еще долго выходить разными проявлениями во многих сферах общественной жизни.

Не удивительно, что уровень насилия, агрессии в нашем обществе столь высок и к тому же заметно повысился в последние годы, чему свидетельства стали рост организованной преступности, подростковой и молодежной агрессивности, жестокость отношений в армии, появление движений с агрессивными и откровенно шовинистическими лозунгами. Этот повышенный заряд насилия неизбежно проявляется и в сфере межнациональных отношений. Нынешнее поколение как бы оплачивает предыдущие трагедии, «возвращает» насилие, которое пало на головы отцов и дедов. И этот накопленный «долг» насилию лежит на нашем пути к демократическому многонациональному государству.

Шестое и совершенно независимое объяснение нынешней ситуации дает книга английского антрополога, профессора Кембриджского университета Эрнеста Геллнера «Нации и национализм»¹¹. Вышедшая в 1983 г., эта книга посвящена общей теории национализма и, казалось бы, не имеет никаких конкретных переходов к советской реальности, сегодняшним событиям. Но многие стороны этих событий она описывает или предсказывает с удивительной точностью.

Согласно теории Геллнера, национализм (кстати, в это понятие автор не вкладывает никакого негативного звучания) — это прежде всего политический принцип, требующий, чтобы политические и национальные (национально-культурные) единицы совпадали. Нарушение этого принципа, недостаточность политических и государственных институтов, гарантирующих развитие нации и ее культуры, вызывает обострение националистического чувства и мощные движения протеста. Всюду, где есть такие нарушения, конфликт потенциально неизбежен.

В то же время национализм, по Геллнеру, — это особое историческое состояние, соответствующее периоду активной индустриализации. Национализм вовсе не признак отсталого общества; он расцветает в условиях достаточно высокой грамотности, средств информации и коммуникации, появления национальной интеллектуальной элиты и потребности в квалифицированных кадрах. Национализм — движение больших городов и индустриализирующихся масс; на отсталых окраинах, в сельской местности, где национальная культура воспроизводится всей повседневной средой, для него нет почвы и простора. Короче, национализм приходит и уходит, когда для этого складываются определенные исторические обстоятельства.

Но если индустриализирующееся общество подготовлено к приходу национализма, его развитие уже трудно остановить. Происходит национальное «пробуждение», массы крайне болезненно ощущают несоответствие между возможностями и состоянием своей национальной культуры, обеспеченностью ее средствами политической власти. В такой период национализм крайне чувствителен, агрессивен; он способен, по словам Геллнера, найти любую щель, чтобы пробудить чувство «национального унижения».

При этом национализм не пробуждает старые, скрытые или спящие силы, как любят говорить его идеологи. В действительности он дитя новой формы общественных отношений, ориентированной на создание новых национальных культур, каждая из которых стремится быть защищенной собственным государством. Но таких культур слишком много, а «места» для создания всеми самостоятельных полноценных государств слишком мало. И в этом — основной конфликт эпохи национализма.

При всей отвлеченности таких рассуждений, нельзя не признать, что нам показали зеркало. Да, мы и есть активно индустриализирующееся общество с высоким уровнем грамотности, национальной интеллектуальной элитой (вернее, многими элитами) и потребностью в государственных формах защиты национальных культур, т. е. то самое общество, которое идеально подготовлено к эре национализма. И суть конфликта описана очень точно: борьба за контроль над системой национально-культурного воспроизводства, за создание полити-

ческих институтов для обеспечения реального суверенитета наций, поскольку прежние институты оказались ущербными или неэффективными.

Если так, то по пути всего человечества и на два-три поколения отстав от большинства европейских народов, мы вступаем в эпоху активного национализма. Значит, все, что происходит вокруг нас с национальными отношениями, было закономерным — закономерным по смыслу, хотя, конечно, могло изменяться по содержанию.

И наконец, седьмая точка зрения. Страна с напряжением, с конфликтами, кровью подходит к главному для нее вопросу: *как нашему обществу перейти в XXI в.?* Сможем ли мы оторваться от нынешних структур и найти такую форму политически, экономически и национально организованного общества, которая будет соответствовать мировой цивилизации XXI века, уровню развитых государств и наций? Если так, то сегодняшняя национальная напряженность, вспыхивающие по всей стране конфликты — лишь первые сигналы предстоящей ломки, своего рода «воплé народов», требующих смены старой и создания новой системы национально-государственного устройства.

Вопрос о новом устройстве совершенно не риторический. В XXI век можно и «не перейти», оставшись обществом второй половины или даже середины XX в., каковым мы пока являемся. История знает немало примеров крупных и могущественных государств, которые в какой-то период «не успели» за быстрым ходом цивилизации. Так, не смогла «перейти» в XVIII и тем более в XIX века Османская Турция — прежняя европейская сверхдержава, располагавшая огромными ресурсами, многочисленным населением, обученной армией. В конце XIX века не успевала с переходом в следующее столетие и Российская империя, что сразу же проявилось в ходе русско-японской войны 1904—1905 годов.

Сейчас вопрос, сможем ли мы перейти в новый век, впрямую встал перед Советским Союзом. Экономические и политические структуры страны ориентировались до последнего времени на реалии 40—50-х годов XX века. Наши заботы вчерашнего, по сути, еще сегодняшнего дня: авторитарная система власти, монопартийность, идеология военного противостояния сверхдержав, экономика с приоритетом тяжелой промышленности, ресурсо- и металлоемких отраслей, закрытый национальный рынок, жесткий контроль над границами и международными контактами, а в сфере национальных отношений — иерархическая структура многонационального государства и территориальный принцип автономии. Но для большинства развитых стран этот мир первой половины XX в. уже сменился новой цивилизацией с огромными потоками информационных связей, свободными передвижениями через границы, мощнейшими каналами коммуникаций и международных услуг, новой многонациональной и многорасовой структурой общества.

Мир ушел вперед... а мы пока остались в обществе, экономически, технологически и политически не готовом к условиям XXI века. И потому отчаянно пытаемся найти свой путь ускоренных реформ. На этом пути нас неизбежно ждут очень крупные и болезненные ломки, подобно тому как западным странам в 1940—1960-е годы пришлось отказаться от своих колониальных империй, уничтожить устаревшую угледобывающую промышленность и черную металлургию, принять миллионы иммигрантов, преобразивших этнический и расовый состав европейских наций. При такой точке зрения нынешние национальные трудности в СССР есть «муки перехода», вернее, муки первого осознания необходимости ломки окружающего нас общества середины XX века. Сам переход в мир XXI столетия у нас еще впереди.

Национальные конфликты: выбор объяснений. Предложенный перечень семи точек зрения на нынешнюю национальную ситуацию не является, как уже говорилось, ни полным, ни окончательным. Для нас здесь важнее их многообразие, существование *нескольких* концепций для объяснения как общей ситуации, так и вполне конкретных локальных событий.

Всем памятно, например, страшные события в Ферганской долине в июне

1989 г., сопровождавшиеся жестокостями, погромами, массовыми убийствами, введением войск и эвакуацией турок-месхетинцев в другие районы страны. Несмотря на все попытки найти им *одно* объяснение, одновременно правдоподобны как минимум несколько интерпретаций.

Так, никто не станет отрицать, что события в Фергане были не стихийной вспышкой, а спланированной акцией национального насилия, за которой стоит некая организованная сила (объяснение первое). Менялись лишь силы, которые последовательно обвинялись в развязывании кровавых событий: экстремисты, мафия, исламские фундаменталисты, коррумпированные бюрократы, националисты из «Бирлика». Всем им, как считалось, было выгодно дестабилизировать ситуацию. Но никто не отрицает, что вспышка насилия произошла в регионе с удручающей экономической обстановкой (объяснение второе): с массовой безработицей, полукOLONиальной системой производства, небезопасностью элементарными товарами и отсутствием для населения экономических перспектив, т. е. обострение экономической напряженности, более высокий уровень жизни турок-месхетинцев стимулировали конфликт.

Но ведь судьба турок-месхетинцев — классический пример сталинских «искажений» принципов советской федерации (объяснение третье). Жертвы произвола, высланные из родных мест без всякого основания и до сих пор лишенные возможности вернуться на родину, — месхетинские турки принадлежат к числу национальных «бомб» сталинского наследия. Подобно Нагорному Карабаху, проблеме крымских татар или поволжских немцев, Абхазии и Южной Осетии, чечено-аварскому или осетино-ингушскому конфликтам, эти бомбы взрываются сейчас по всей стране.

Не будем забывать, однако, что, по оценкам всех экспертов, возможность вспышки национального насилия в Средней Азии была высоко вероятной и даже закономерной, исходя из нынешнего развития многонационального государства (объяснение четвертое). Монокультурная экономика, авторитарная система управления, навязанная извне индустриализация, разрушение экологической среды, непаритетные экономические связи и общее положение в структуре союза республик давно превратили этот регион в потенциальную пороховую бочку. Мог меняться объект насилия, но не его феномен.

Столь же справедливо искать основу событий в общем накоплении агрессии и насилия в регионе (объяснение пятое). Во-первых, сами турки-месхетинцы являются жертвами насилия, депортации 45-летней давности и последующих запретов на возвращение на родину. Во-вторых, среднеазиатские народы (в данном случае узбеки) получили огромные заряды насилия в 20—30-е годы, в период борьбы с басмачеством, коллективизации, уничтожения национальных кадров и интеллигенции, и совсем недавно — при создании «хлопковых империй» и подземных тюрем. В-третьих, нынешнее молодое поколение среднеазиатских мужчин получает дополнительный заряд агрессии, проходя через армию, где солдаты-среднеазиаты являются наиболее частым объектом насилия. Наконец, в-четвертых, Средняя Азия — район, наиболее приближенный к Афганистану в территориальном, культурном и национальном отношениях. И 10-летняя война, принесшая огромный заряд агрессии и насилия в наше общество, именно здесь должна была получить наибольшее отражение по сравнению с другими частями государства¹².

Применима к событиям и концепция национализма Э. Геллнера (объяснение шестое). Турки-месхетинцы оказались жертвой возбужденного национального чувства, трагическим символом недовольства набирающей силу молодой нации. Вспомним, что погромы и убийства происходили не в глухих кишлаках, а в городах и рабочих поселках, где для выявления будущих жертв использовались домовые книги и избирательные списки. Банды погромщиков имели рации и личные автомобили; словом, были не темной крестьянской массой, а гражданами индустриального общества. Такими же в массе современными горо-

жанами были и погромщики в Сумгаите и Душанбе, как и участники прошлогодних столкновений в Казахстане, Южной Осетии или Молдавии.

Что же касается «перехода в XXI век» (объяснение седьмое), то для общества, живущего в нынешних условиях Узбекистана и Ферганской долины, такой переход может обернуться еще многими муками и трагедиями. Хлопковой монокультуре, политическому бесправию, гигантской детской смертности, коррупции и «родовому» социализму, отравленной химикалиями окружающей среде трудно найти место в развитом обществе XXI века. Для перехода в XXI век нынешняя система жизни и власти должна с муками отмереть. Такой процесс неизбежен и уже начался, и это понимают все, в том числе и жители Узбекистана.

Как видно, в каждой конкретной национальной ситуации поиск объяснения зависит от нашей профессиональной и человеческой позиции. Карабах и Абхазия, Эстония и Молдавия, судьба крымских татар или русская «национальная идея» ставят нас перед такой же проблемой выбора. И всюду равно возможны и одновременно возникают авторитарные и либеральные точки зрения, демократические и консервативные объяснения, позиции на основе предпочтения «единой и неделимой» или подлинного конфедерализма.

Выбор объяснения становится личным делом ученого, практика, эксперта, общественного и государственного деятеля, его очень яркой политической характеристикой. Потому что позиция по национальному вопросу не отражает какую-то изолированную часть личности. Отношение к этническим меньшинствам и национальному суверенитету обычно перекликается с отношением к демократии и плюрализму, к праву наций на самоопределение, необходимости политической и экономической реформы, с общими взглядами на будущее государства. Словом, скажи, как ты видишь «национальный вопрос» в СССР, и станет ясно, кто ты.

Прогнозы на будущее. Всех, разумеется, волнует вопрос: что будет с государством, его внутренней стабильностью, со всеми нами — его гражданами? Прогнозы имеются самые разные — от ожидания скорого «распада империи» до предсказаний столь же неминуемого военного переворота с возвращением к авторитарному управлению и подавлением возникших национальных сил и независимых общественных движений. Будем рассматривать эти варианты как крайние точки шкалы. Между ними лежит большое число промежуточных прогнозов-решений; и, значит, мы опять упираемся в проблему *выбора*, в не очень понятный механизм анализа и отбора наиболее приемлемой личной позиции.

Но сначала очертим некоторые из промежуточных вариантов-прогнозов нашего будущего. Все они так или иначе привязаны к названным объяснениям современной национальной ситуации. Так, идея «злой руки», «заговоров и врагов» явно предполагает сценарий административных и силовых методов, надежду на восстановление роли центрального руководства, пусть и в более тонком распределении власти с местными органами для подавления радикальных национальных движений с их политическими и культурными требованиями.

Экономическая концепция «национального вопроса» понятно упирается в судьбу экономической реформы, в способность нашего общества достичь некоторого уровня процветания как главного условия для смягчения общей социальной напряженности. Специфически национального прогноза здесь, видимо, нет.

Концепция «деформаций и очищения истоков» ориентирует нас на идеальные принципы: первых лет существования советской федерации, т. е. статусное равенство республик, большую местную политическую и экономическую автономию, новую роль органов национального представительства, и прежде всего республиканских парламентов. Логика этого пути ведет к возрождению низовой автономии в виде национальных районов и сельских советов, к признанию республиканского гражданства и государственного статуса национальных язы-

ков в республиках, возрастанию роли республиканских конституций, полному восстановлению справедливости для всех «наказанных народов». Все это, как известно, и происходит в последнее время.

Если же мы сталкиваемся не с «искажениями», а с закономерным итогом неправильно созданной многонациональной системы, впереди неизбежны ее фундаментальные изменения. Наиболее популярный в таком случае прогноз — переход от союза к конфедерации, т. е. политическому объединению внутренне независимых государств, или даже обретение некоторыми республиками статуса соседних дружественных стран на основе общего рынка, тесного экономического и политического сотрудничества.

Концепция «возвращенного насилия» предполагает два альтернативных прогноза в зависимости от способности государства взять под контроль накопленную в нашем обществе агрессию. Если государство не сумеет обуздать насилие, нас, видимо, ждет война всех против всех, потоки беженцев между республиками, социальный хаос с реалиями ситуации 1918 года. Если, напротив, центральная власть в союзе с республиками сможет целенаправленно ослабить насилие в системе, то результатом станет новое общество — некая «советская Швейцария» с принципом добровольного парламентского союза или сложная система региональных автономий по типу нынешней Испании, или подобие объединенной Европы 1992 года с общим рынком и минимально значимыми внутренними границами. Словом, нечто из области очень приятных мечтаний.

Для прогноза по концепции «разрушительного и созидательного национализма» Э. Геллнера главное — это фактор времени. Если стадию агрессивного национализма пережить неизбежно, жизненно важно, как долго она продлится и сколь велики окажутся перемены. Реальную ситуацию определяют, видимо, два процесса: возможность быстрого экономического роста и модернизации и политика государства по отношению к национализму и национальным движениям. Наиболее благоприятный вариант: быстрая модернизация и мудрая национальная политика — может привести к свободной конфедерации с широкой региональной автономией, парламентскому союзу или другой форме сотрудничества. Худший вариант: экономический застой с авторитарным подавлением национальных движений — ведет к включению всего Советского Союза и уж, безусловно, многих республик в зону непрерывных этнических конфликтов с кровопролитием, ожесточением, национальным и религиозным антагонизмом.

И наконец, что ждать, если нынешняя ситуация отражает мучительную подготовительную ломку для перехода к будущей цивилизации XXI века? Ответ будет зависеть от того, сможет ли наше общество, отбрасывая устаревшие структуры, перейти в следующее столетие. Предстоит пройти школу индустриальной цивилизации; привыкнуть к нормам открытого, плюралистического общества. В том, что такое привыкание будет длительным и трудным, думаю, ни у кого нет сомнений.

Неизбежен вопрос: где же выход? Может ли автор предложить что-либо кроме перечисления интерпретаций и прогнозов, предоставляя каждому сделать самостоятельный выбор? Есть ли какая-либо единая логика действий?

Такая логика, видимо, возможна в рамках большинства из предложенных объяснений. Прежде всего важно понять, что мы столкнулись с объективной реальностью национальных отношений, а не с их временным ухудшением, отклонением от прежнего курса на незабываемый союз социалистических наций. Некоторые нынешние конфликты внешне могут сгладиться или их проявления будут сдерживаться угрозой применения силы. Но сами по себе они «вдруг» не исчезнут — и чем скорее мы это поймем, тем будет лучше.

Следующим шагом в рамках всех, кроме первых двух из предложенных объяснений, должно стать осознание необходимости перемен в национальной политике, национальном устройстве государства, отношении к национальным культурам. Сейчас нет недостатка в проектах переустройства Советской феде-

рации. Но пока мы явно заблокированы официальной концепцией деформаций, которая сводит возможные перемены к одному действию: возвращению к исходным, ленинским принципам союза республик (не раскрывая, в каких условиях и на каких принципах формировался этот союз).

Психологически и политически такой призыв понятен, хотя вряд ли в прошлом нам удастся найти ответы на все вопросы сегодняшнего дня и тем более ориентиры для жизни в XXI столетии. В той жизни нас наверняка ждут иные национально-политические реальности: двух-, трехкратное увеличение населения в среднеазиатских республиках к середине следующего века; смена направления потока миграций внутри страны (от периферии к центру, а не наоборот, как было раньше); неизбежное перераспределение сил и внутренних центров влияния в структуре Союза; уменьшение численности ряда народов, в том числе крупных, за счет снижения рождаемости или эмиграции. К этим новым реалиностям надо готовиться заранее; для перехода в XXI век принятия постановлений, воссоздания национальных районов или развития национально-культурных обществ и преподавания языков будет явно недостаточно.

И здесь мы должны сделать все, чтобы в очередной раз избежать соблазна окончательного решения национального вопроса в СССР, чтобы вновь не стать жертвами безупречной сталинской логики:

«Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком, — и недовольство пройдет само собой.

Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу — и недовольство потеряет всякую почву.

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести (свобода вероисповедания), передвижения и пр. Дайте ему эти свободы, — и оно перестанет быть недовольным»¹³.

Пять из семи предлагаемых объяснений позволяют избежать этой логики. Но для этого необходима политическая и идеологическая реабилитация многих ключевых терминов, либо исчезнувших из нашего общественного и научного лексикона, либо еще недавно имевших в нем только негативное звучание. Среди них — понятие конфедерации и самоопределения народов, национального суверенитета и права свободного отделения, республиканского гражданства и государственного языка, политического плюрализма и условий союзного договора и многие другие. Без них невозможно создать теорию нового или фундаментально улучшенного многонационального государства. Если новый каркас будет складываться из привычных, старых блоков «расцвета и сближения», «пролетарско-интернационализма», «национального по форме и социалистического по содержанию», никакого другого здания, кроме старого, не построить. Для новых дел нужны новые слова.

Общим принципом для всех вариантов решения (включая, видимо, и первый) должен стать рост локальной, т. е. местной автономии. Будущие политические конструкции уже нельзя будет строить при бесправии, в том числе и национальном, низовых ячеек общества — сельских советов, городских муниципалитетов или внутригородских коммун. И здесь опять же лучше идти вместе со всем человечеством, признавшим плодотворность местного самоуправления, в том числе и для решения национально-культурных проблем.

И наконец, для всех предложенных объяснений национального вопроса, включая идею «злой руки», выход из нынешнего состояния видится в росте парламентской, избирательно-правовой основы нашего общества. За минувший год мы узнали малую часть мировой парламентской культуры. Она не сводится к парламентским дебатам, открытым выборам или свободе политических партий. Парламентская основа равно предполагает законодательную охрану прав национальных и религиозных меньшинств; рост национальной терпимости в ходе любой политической борьбы; эффективные механизмы конституционной защиты

при нарушении национальных или расовых прав граждан; свободу самоорганизации этнических и религиозных общин в рамках многонационального государства. Из таких необходимых элементов складывается *правовое общество*. И мы должны помнить об этом, если надеемся его построить.

Вся наша история, опыт последних лет показывают, что мы постоянно возвращаемся к старым проблемам. Мы входим в «старую воду», повторяем старые ошибки, будучи так же или еще хуже к тому подготовленными, чем в 1922, 1918, 1917 или любом исторически важном году.

Если из всего этого возможен вывод, то он звучит так: с «национальным вопросом» мы будем жить долго. Суть его будет меняться; возникнут новые ситуации, иные позиции, появятся новые противопоставления. И значит, будет сохраняться процесс анализа, аргументации и выбора, который был назван мной двумя словами — *поиски объяснений*.

Примечания

¹ Эта концепция, очень популярная в конце 1988 г. и особенно в начале 1989 г., отразилась в большом числе публикаций (наиболее полно — в сборнике «Что делать». М., 1989).

² См. подробнее: *Бугай Н. Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30—40-х годах // *История СССР*. 1989. № 6; *Ибрагим-бейли Х. М.* Сказать правду о трагедии народов // *Политическое образование*. 1989. № 4.

³ Из многочисленных высказываний Ленина по этому вопросу в его статьях «О праве наций на самоопределение», «Критические заметки по национальному вопросу», «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» и др. процитирую фразу из его письма С. Г. Шаумяну (23.11/6.12. 1913 г.): «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства».

⁴ *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // *Соч.* Т. 2. М., 1951. С. 363—364.

⁵ Примечательно определение «аннексии» в тексте Декрета о мире: «Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насильем, если ей вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не представляется право свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насильем» (Политика Советской власти по национальным делам за три года. М., 1920. С. 5.).

⁶ «Советская Российская республика утверждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». Эта же формулировка повторена в статье 2 Конституции РСФСР 1918 года.

⁷ *Образование СССР*. Сборник документов. М., 1949. С. 44.

⁸ Там же. С. 46.

⁹ *Крупник И.* От иерархического общества к многонациональному // *Возрожденная Армения*. 1989. № 1. С. 14—16, 20; *его же.* Национальное насилие (в печати).

¹⁰ *Гусейнов Г.* Речь и насилие // *Век XX и мир*. 1988. № 8.

¹¹ *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983 (русский перевод этой книги готовится к печати в издательстве «Прогресс»).

¹² Можно добавить и еще один фактор: многолетнюю узбекско-таджикскую напряженность, которая способствовала дополнительному накоплению агрессии в регионе. См. подробнее. *Панеш Э. Х., Ермолов Л. Б.* Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы) // *СЭ*. 1990. № 1. С. 18.

¹³ *Сталин И. В.* Указ. раб. С. 363.